

УДК 338.246.2 DOI: 10.14451/1.257.54

Парадоксы импортозамещения российской экономики в условиях санкционного давления

© 2026 Назарова Елена Владимировна

Кандидат экономических наук, доцент, доцент, факультет экономики. Университет Синергия, Москва, Россия.

E-mail: e.nazarova@list.ru

© 2026 Пашковская Маргарита Васильевна

Кандидат экономических наук, доцент, профессор, факультет экономики. Университет Синергия, Москва, Россия.

E-mail: pmargaritav@mail.ru

Ключевые слова: импортозамещение, санкционное давление, технологический суверенитет, структурные сдвиги, адаптация экономики, промышленная политика, экономические парадоксы, институциональные ловушки, параллельный импорт, рынок труда, контрсанкции.

Исследуются парадоксы импортозамещения в РФ в условиях санкционного давления 2022–2024 гг. Актуальность обусловлена необходимостью переосмысления подходов к политике замещения импорта на основе анализа структурных противоречий. Объект — процесс трансформации российской экономики, предмет — противоречия между целями технологического суверенитета и реальными результатами. На основе синтеза институционального и эволюционного подходов выявлены пять парадоксов импортозамещения, подкреплённые статистическими данными. Практическая значимость определена выявлением зон нечувствительности санкций и рисков институциональных ловушек.

Введение

Беспрецедентное санкционное давление, оказанное на Российскую Федерацию начиная с 2022 года, качественно изменило условия функционирования национальной экономики и предопределило необходимость форсированного пересмотра модели её развития. Если ограничительные меры 2014–2021 годов носили преимущественно секторальный характер и оставляли возможности для технологической кооперации с недружественными странами, то

новый пакет санкций нацелен на тотальный разрыв устоявшихся производственных цепочек, финансовую изоляцию и блокирование доступа к передовым технологиям. В этих условиях политика импортозамещения, традиционно понимаемая как система мер по стимулированию внутреннего производителя с целью замещения иностранных товаров и технологий, трансформировалась в стратегию форсированного обретения технологического суверенитета.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, требуется теоретическое переосмысление классических моделей импортозамещения применительно к реалиям закрытой экономики, функционирующей в режиме внешней блокады. Во-вторых, практика последних двух лет демонстрирует неоднозначные и зачастую противоречивые результаты: наряду с ростом отдельных отраслей [8] наблюдаются структурные диспропорции, кадровый голод и консервация технологической отсталости. В-третьих, возникает необходимость выявления и систематизации внутренних противоречий самого процесса импортозамещения, которые нивелируют ожидаемые положительные эффекты и формируют институциональные ловушки.

В современной науке дискуссия об эффективности импортозамещения разворачивается в контексте сравнительных преимуществ и границ государственного вмешательства. Значительный вклад в разработку стратегий модернизации и догоняющего развития внёс Полтерович, который обосновал необходимость чередования фаз заимствования технологий и собственного инновационного развития [11], а также предупредил о рисках попадания в институциональные ловушки при некритическом копировании чужих моделей [12]. В более поздней работе, посвящённой сравнению стратегий институциональных реформ в Китае и России [13], автор развивает концепцию стратегии, имеющей высокие шансы на успех благодаря учёту ресурсных, технологических и институциональных ограничений, а также использованию промежуточных институтов. Проведённый анализ демонстрирует, что успех китайских реформ был обусловлен не столько начальными условиями, сколько сознательным выбором стратегии, предусматривающей постепенное выращивание рыночных институтов, компенсацию потерь ключевым группам населения и сдерживание перераспределительной активности.

Развитие идей Полтеровича применительно к конкретным секторам российской экономики можно найти в современных исследованиях. Например, в работе [6] концепция трансплантации

институтов используется для анализа проблем в сфере государственных закупок. Авторы показывают, как заимствованные формальные правила вступают в конфликт со сложившимися практиками и институциональной средой, порождая дисфункции и сохраняя высокий уровень коррупции.

Проблемы институциональной среды, роли государства и адаптации экономических агентов к новым условиям в контексте санкционного давления подробно анализируются в работе [2], подчёркивающей значимость сохранения рыночных механизмов. Эмпирические исследования последствий санкций 2014 года выявили неоднозначность эффектов первого этапа импортозамещения. Так, работа [16] указывала на усиление зависимости от импорта высокотехнологического оборудования и комплектующих. Исследование [17], посвящённое промышленной политике и технологическому развитию, продемонстрировало, что глубина локализации во многих отраслях остаётся невысокой. Анализ иранского опыта пребывания под санкциями, проведённый в работе [15], показывает, что вынужденные адаптационные механизмы могут вступать в противоречие с долгосрочными целями развития.

Однако критический обзор современных работ позволяет сделать вывод о наличии существенного исследовательского пробела. Феномен «парадоксальности» итогов импортозамещения, когда результат оказывается прямо противоположным первоначальным ожиданиям, остаётся недостаточно изученным именно в контексте тотальных санкций 2022–2024 годов. При этом теоретический аппарат, развитый в работах Полтеровича [11–13], предоставляет теоретический ключ к объяснению подобных парадоксов, интерпретируя их как следствие движения по неперспективной институциональной траектории, игнорирующей ресурсные и институциональные ограничения и порождающей устойчивые институциональные ловушки. В рамках настоящей статьи авторы предлагают систематизировать противоречия и интерпретировать их как парадоксы импортозамещения в условиях санкционного давления.

Цель статьи заключается в выявлении, систематизации и теоретическом осмыслении основных парадоксов импортозамещения в современной российской экономике, а также в определении их влияния на долгосрочные перспективы экономического развития. Для достижения поставленной цели в первой части работы рассматриваются теоретико-методологические основания исследования, далее анализируются эмпирические проявления пяти парадоксов импортозамещения, после чего проводится их обсуждение в контексте институциональной и эволюционной теории.

Методы исследования

Теоретико-методологическая основа исследования базируется на синтезе институционального и эволюционного подходов, что позволяет адекватно отразить нелинейность и противоречивость трансформационных процессов в условиях экзогенных шоков. Институциональный подход, развитый в работах Норта [7] и Полтеровича [11–13], даёт ключ к пониманию того, как формальные и неформальные институты задают траекторию экономического развития и формируют институциональные ловушки. Эволюционный подход акцентирует внимание на процессах отбора экономических рутин и адаптационных стратегиях фирм и домохозяйств. Эмпирическая база исследования включает официальные статистические данные, а также данные специализированных исследований по санкционным режимам.

Такой синтез позволяет интерпретировать выявленные парадоксы не как случайные отклонения, а как закономерный результат взаимодействия институциональной среды и эволюционных процессов в условиях экстремального внешнего воздействия.

Результаты исследования

Проведённый анализ позволил выявить ряд устойчивых противоречий, которые авторы предлагают классифицировать как парадоксы импортозамещения.

Первый парадокс – «рост вместо спада» фиксирует макроэкономическую аномалию. Вопреки

консенсус-прогнозам международных организаций, предрекавших глубокий спад, фактическая динамика ВВП продемонстрировала высокую устойчивость. Несмотря на общий рост промышленного производства в 2023 году (индекс промпроизводства составил 103,5% [5]), динамика 2024 года подтвердила консолидацию мобилизационной модели роста. Согласно данным Росстата, индекс промышленного производства в 2024 году составил 105,1%. Структурно этот рост оставался крайне неравномерным: обрабатывающие производства демонстрировали динамику до 109,1%, тогда как сырьевой сектор находился в незначительной рецессии – 99,5% [10].

Ключевым фактором, компенсировавшим падение потребительского и инвестиционного спроса, стал резкий рост государственного оборонного заказа и бюджетных инвестиций. Как отмечается в работе [16], структурный анализ компонентов ВВП показывает, что именно государственный спрос выступил основным драйвером, заместившим сжатие частных инвестиций и потребления домохозяйств.

Второй парадокс – «импортозамещение через импорт» отражает структурную аномалию. Официальный дискурс предполагает сокращение доли иностранных товаров и снижение зависимости от внешних поставок, однако статистические данные демонстрируют более сложную картину. После резкого падения импорта весной 2022 года во второй половине года начался восстановительный рост, и, по оценкам, к концу 2023 года физические объёмы товарного импорта превысили уровень 2021 года. В 2024 году наметилась тенденция к стабилизации импортных потоков: совокупный объем импорта товаров составил 283,0 млрд долл., что на 0,8% ниже показателя 2023 года. Ключевую роль в адаптации внешне-торговой модели на первом этапе сыграл механизм параллельного импорта, легализованный в марте 2022 года. Однако в 2024–2025 годах наблюдается его устойчивое сокращение: если в 2023 году среднемесячные объёмы превышали 4 млрд долл., то к 2025 году они снизились до 2 млрд долл. в месяц, а по итогам первого

квартала 2025 года составили 6,8 млрд долл. В 2025 году параллельный импорт сократился на 45–50% [14], что сигнализирует о постепенном замещении серых схем поставками из дружественных стран и ростом локализации производства.

При этом как показывают исследования иранского опыта пребывания под санкциями [15], подобные механизмы, обеспечивая краткосрочное насыщение рынка, в долгосрочном плане могут консервировать зависимость от иностранной продукции и вступать в противоречие с целями глубокого импортозамещения и технологического суверенитета.

Третий парадокс — «цена суверенитета» (или «импортозамещение второго сорта») проявляется на микроэкономическом уровне. Авторы предлагают под «импортозамещением второго сорта» понимать такую конфигурацию, при которой рост физических объёмов выпуска отечественной продукции сопровождается ухудшением её качественных характеристик и ростом издержек. Потребительский сектор в 2022–2023 годах столкнулся с распространением практик, которые в литературе по маркетингу описываются как даунсайзинг: сохранение или рост цены при одновременном уменьшении объёма упаковки либо изменении потребительских свойств. Согласно данным [3], в этот период во многих товарных категориях фиксировалось заметное сокращение объёмов упаковки при сохранении цен. Наиболее подверженными даунсайзингу оказались категории молочной продукции, соков и макаронных изделий, что позволяет говорить о формировании эффектов «скрытой инфляции» на потребительском рынке.

Четвёртый парадокс — «рентабельность убытков» носит преимущественно институциональный характер. Уход западных компаний, являвшихся технологическими лидерами и важными конкурентами на ряде сегментов рынка, способствовал формированию дефицита предложения и появлению незаполненных рыночных ниш. Эти ниши постепенно занимают отечественные

производители, чья продукция в условиях открытой конкуренции могла бы оказаться менее устойчивой. В ряде случаев прибыль формируется не за счёт повышения эффективности и инновационности, а за счёт монопольного либо олигопольного положения, обеспеченного санкционными барьерами и механизмами государственной поддержки [1]. В контексте современных моделей взаимодействия власти и бизнеса возникает риск формирования экономической среды, в которой ключевым фактором успеха становится близость к распределительным механизмам государства, а не производительность и технологические преимущества.

Пятый парадокс — «кадровый голод на фоне роста» отражает социально-экономические диспропорции. Рост промышленного производства, особенно в оборонно-промышленном комплексе, сопровождался заметным дефицитом трудовых ресурсов [9]. По данным исследовательских агентств, в 2024 году кадровый голод в промышленности достиг пиковых значений: спрос на персонал в производственной сфере вырос по сравнению с 2023 годом, а общее количество вакансий на рынке труда за 2022–2024 годы увеличилось в 1,7 раза при незначительном приросте резюме [4]. Однако безработица по-прежнему находится на историческом минимуме, а индекс конкуренции вырос до 9 пунктов, что указывает на структурный сдвиг: дефицит кадров сохраняется, но начинает трансформироваться из-за снижения экономической активности в некоторых секторах.

Успехи импортозамещения в приоритетных секторах во многом достигаются за счёт перераспределения трудовых ресурсов из других отраслей, что формирует устойчивый дисбаланс в структуре занятости и усиливает риски кадрового дефицита в рыночных, конкурентных сегментах экономики.

Обсуждение результатов

Выявленные в ходе исследования парадоксы импортозамещения требуют содержательной интерпретации в контексте существующих экономических теорий, а также сопоставления

с результатами более ранних исследований санкционных режимов и политики локализации.

Первый парадокс, связанный с макроэкономическим ростом вопреки санкционному шоку, на первый взгляд противоречит базовым постулатам теории международной торговли. Однако данное явление находит объяснение в рамках концепции мобилизационной экономики: высокий уровень бюджетного импульса, направленного преимущественно в оборонно-промышленный комплекс, создал автономный драйвер роста, слабо связанный с динамикой реальных доходов населения. Сравнивая полученные результаты с исследованиями последствий санкций 2014 года, следует отметить качественное отличие текущего этапа: если в 2014–2016 годах спад был обусловлен сжатием частного спроса, то в 2022–2023 годах бюджетная экспансия полностью нивелировала этот эффект. Опыт Ирана, проанализированный в работе [15], демонстрирует схожую закономерность: в условиях тотальных санкций экономика может расти за счёт мобилизационных механизмов, однако цена такого роста – нарастающие структурные диспропорции и подавленная инфляция.

Второй парадокс высвечивает расхождение между декларируемыми целями и реальными адаптационными стратегиями бизнеса и государства. Легализация параллельного импорта, будучи вынужденной мерой снижения краткосрочных рисков дефицита, фактически консервировала спрос на иностранную продукцию и затормозила развитие процессов глубинной локализации. В терминах институциональной теории Норта параллельный импорт выступает как неформальная норма, которая в текущих условиях оказывается более эффективной для экономических агентов, чем формально провозглашаемый курс на технологический суверенитет. Это означает, что российская промышленность сохраняет критическую зависимость от внешних поставок средств производства и комплектующих, что в долгосрочной перспективе усиливает риски попадания в «ловушку технологического донора».

Третий парадокс связан с микроэкономическими эффектами импортозамещения и качеством роста. Увеличение себестоимости и снижение потребительских свойств продукции при формальном росте её физических объёмов является типичным проявлением институциональной ловушки. В условиях защиты внутреннего рынка от внешней конкуренции стимулы к повышению эффективности и инновациям ослабевают, а фирмы склонны компенсировать рост издержек за счёт скрытых механизмов перекалывания нагрузки на потребителя. В результате достигается количественное импортозамещение, но качество товаров и технологический уровень производства остаются на стагнирующей или регрессивной траектории.

Четвёртый парадокс отражает институциональное закрепление неэффективных производств и рутинизированных практик. Уход иностранных игроков и ограничение конкуренции ослабляют рыночный механизм отбора, что позволяет сохраняться и получать ренту субъектам, эффективность которых в условиях открытого рынка была бы существенно ниже [1]. В рамках эволюционного подхода это можно трактовать как смещение критериев отбора: выживают не наиболее эффективные рутины, а те, которые лучше встроены в систему административного ресурса и бюджетного финансирования. Такая конфигурация в долгосрочной перспективе способствует формированию «экономики издержек», в которой стимулы к снижению затрат и повышению производительности оказываются структурно ослабленными.

Пятый парадокс отражает глубокие структурные диспропорции на рынке труда. Анализ ситуации на рынке труда показывает, что дефицит кадров в обрабатывающей промышленности сопровождается не ростом производительности, а перераспределением занятых из других секторов. Возникает эффект «вымывания» квалифицированных кадров из рыночных, конкурентных отраслей в защищённые бюджетным финансированием секторы. В долгосрочной перспективе это может привести к деиндустриализации сферы услуг при одновременном росте издержек в промышленности.

Заключение

Проведённое исследование, направленное на выявление и систематизацию парадоксов импортозамещения в российской экономике в условиях санкционного давления 2022–2024 годов, позволяет сформулировать следующие обобщающие выводы.

1. Макроэкономическая устойчивость, выразившаяся в относительно небольшом спаде в 2022 году, восстановлении роста в 2023 году и его ускорении в 2024 году, достигнута преимущественно за счёт мобилизационных механизмов. Это позволило компенсировать сжатие частного спроса и обеспечить рост обрабатывающей промышленности, однако сформировало модель роста, слабо связанную с повышением фундаментальной эффективности производства и реальных доходов населения.
2. Импортозамещение в физическом измерении сопровождается не сокращением, а переориентацией импортных потоков. Легализация параллельного импорта и рост роли отдельных стран-партнёров во внешней торговле свидетельствуют скорее о смене технологического донора, чем о преодолении критической зависимости от внешних поставок средств производства и комплектующих. В результате сохраняется высокая чувствительность экономики к вторичным санкциям и логистическим рискам.

3. На микроэкономическом уровне фиксируется ухудшение качественных параметров роста: увеличение себестоимости продукции, снижение потребительских свойств товаров и сохранение технически устаревших производств. В ряде сегментов рентабельность обеспечивается не за счёт роста производительности, а за счёт монопольного положения и доступа к бюджетным ресурсам.
4. На рынке труда рост занятости в приоритетных секторах достигается ценой «вымывания» квалифицированных кадров из конкурентных рыночных отраслей, что усиливает структурные диспропорции и повышает риски дефицита рабочей силы в средне- и долгосрочной перспективе.

Систематизация выявленных парадоксов в рамках институциональной и эволюционной экономической теории показала, что сочетание мобилизационных механизмов и рыночной адаптации порождает специфические институциональные формы – параллельный импорт, псевдолокализацию, монопольную ренту убыточных производств, которые необходимо учитывать при разработке экономической политики. Преодоление этих парадоксов требует перехода от широкого протекционизма к селективной промышленной политике, ориентированной на ограниченный круг критических технологий и направленной на формирование устойчивых стимулов к повышению эффективности и инновационной активности, а не только к количественному замещению импорта.

Библиографический список

1. Авцинова А. А., Макаров И. Н., Широкова О. В. Современные модели взаимодействия власти и бизнеса // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16, № 8. – С. 3123–3136. – DOI: [10.18334/ce.16.8.116138](https://doi.org/10.18334/ce.16.8.116138).
2. Гринберг Р. С. Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы. Общие итоги системной трансформации // Век глобализации. – 2015. – № 1. – С. 166–182.
3. Даунсайзинг в маркетинге: что это такое и зачем производители уменьшают упаковку. – URL: <https://rskrf.ru/tips/spetsproekty/downsizing/> (дата обр. 11.03.2026).
4. Итоги 2024 года на рынке труда / SuperJob. – URL: <https://cherkessk.superjob.ru/research/articles/114992/itogi-2024-goda-na-rynke-truda/> (дата обр. 11.03.2026).
5. Кнобель А. Ю., Фиранчук А. С. Внешняя торговля России в I квартале 2024 года: снижение импорта из-за рисков вторичных санкций / Мониторинг экономической ситуации в России. – URL: <https://www.iep.ru/ru/monitoring/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-i-kvartale-2024-goda-snizhenie-importa-iz-za-riskov-vtorichnykh-sanktsiy.html> (дата обр. 11.03.2026).
6. Корытцев М. А., Белокрылов К. А. Проблемы трансплантации и модификации экономических институтов в сфере государственных закупок

- современной России // *Journal of Economic Regulation* (Вопросы регулирования экономики). — 2014. — Т. 5, № 2. — С. 33–46.
7. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики : пер. с англ. — М. : Начала, 1997. — 180 с. — ISBN 0-521-39416-3.
 8. О промышленном производстве в январе 2024 года. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_28-02-2024.html (дата обр. 11.03.2026).
 9. *Осовицкая Н.* Идеолог «Рейтинга работодателей hh.ru» — о конкуренции на рынке труда. — URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/65b2503f9a79474d73b5c83b> (дата обр. 11.03.2026).
 10. Пикирующий тренд: импортозамещение побеждает параллельный импорт. — URL: https://www.alta.ru/external_news/124860/ (дата обр. 11.03.2026).
 11. *Полтерович В. М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // *Экономика и математические методы*. — 1999. — Т. 35, № 2. — С. 1–37.
 12. *Полтерович В. М.* Стратегии институциональных реформ. Китай и Россия // *Экономика и математические методы*. — 2006. — Т. 42, № 2. — С. 3–17.
 13. *Полтерович В. М.* Стратегии модернизации, институты и коалиции // *Вопросы экономики*. — 2008. — № 4. — С. 4–24. — DOI: [10.32609/0042-8736-2008-4-4-24](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-4-4-24).
 14. Росстат уточнил данные по индексам производства за 2024 год. — URL: <https://fomag.ru/news-streem/rosstat-utochnil-dannye-po-indeksam-proizvodstva-za-2024-god-1/> (дата обр. 11.03.2026).
 15. *Сморodinская Н. В., Катуков Д. Д.* Иранский опыт пребывания под санкциями: макроэкономические итоги и выводы для России // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. — 2023. — № 6. — С. 26–42. — DOI: [10.52180/2073-6487_2023_6_26_42](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_6_26_42).
 16. *Широв А. А.* Российская экономика — возможности структурно-технологического маневра // *Научные труды Вольного экономического общества России*. — 2023. — Т. 241, № 3. — С. 61–71. — DOI: [10.38197/2072-2060-2023-241-3-61-71](https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-241-3-61-71).
 17. *Щурина С. В.* Индустриальная политика России в условиях структурной трансформации экономики в 2023 году и в среднесрочной перспективе // *Экономика. Налоги. Право*. — 2023. — Т. 16, № 1. — С. 118–128. — DOI: [10.26794/1999-849X-2023-16-1-118-128](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2023-16-1-118-128).